

Н. Г. Багдасарьян¹

КУЛЬТУРА В ГЛОБАЛЬНЫХ СЦЕНАРИЯХ: ПАРТНЕРСТВО ИЛИ ПРОТИВОСТОЯНИЕ?

Не обязательно говорить на одном языке, чтобы одинаково ощущать страх смерти, одинаково переживать красоту, одинаково испытывать беспокойство по поводу неопределенности будущего.

Доклад ЮНЕСКО

«Культура — это синоним жизни»²

Беспокойство

по поводу неопределенности будущего...

Сложность современного мира так возросла, что, несмотря на бесконечное число разнообразных прогнозов, будущее продолжает оставаться неопределенным (и трудно определимым). Причина заключается прежде всего в разнообразии и множественности культурных миров, которые, преломляя в себе глобализационный процесс, формируют масштабный спектр векторов, или сценариев, развития. На характер и направленность таких сценариев влияет в первую очередь неоднородность глобализации в экономической, политической, социодемографической, социокультурной сферах, а кроме того, степень включенности культур в современные технологические и коммуникативные процессы. Все это предопределяет выбор сценарной стратегии: будет это диалог или конфронтация, интеграция или дифференциация, согласие или конфликт, партнерство или силовое давление.

События начала 2014 года (мы имеем в виду Украину в связи с политикой России по отношению к ней) показали, какая тонкая материя — диалог. Как легко она разрушается, трансформируется. Как реагирует на эмоциональные воздействия... С какой легкостью с человека, втянутого в конфликт, слетает тонкая пленка воспитания и вроде бы усвоенных в его процессе установок на вежливость и толерантность по отношению к чужому мнению.

Аналитик-футуролог Вацлав Смил в книге «Глобальные катастрофы и тренды» пишет о том, что согласно расчетам «в ближайшие 50 лет вероятность вооруженного конфликта, способного изменить ход мировой истории, составляет не менее 15 %»³. Может быть. Однако все чаще встречаются высказывания экспертов о том, что мировая война приобрела ползучий характер. Она уже идет. Идет на чужих территориях

¹ Профессор кафедры социологии и культурологии Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана, доктор философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 170 научных публикаций, в т. ч.: «Культурология» (учебник), «Культура как среда выживания: эффект бабочки и “окно принятия решений”», «Творческая личность в этнокультурном пространстве и задачи образования», «Региональное сообщество и этнические мигранты: модели социокультурного взаимодействия», «Управление и ценности: семь “С” в судьбе бизнеса и страны». Член Экспертного совета при Комитете по международным делам Совета Федерации РФ.

² La culture et l'avenir. P., 1985. P. 21.

³ Цит. по: Досье: война // The Prime Russian Magazine. 2013. № 2(17). С. 17.

между тремя мировыми центрами — Северной Америкой, Европой и Китаем. И пока мало кому понятны особенности и последствия нового типа войны — войны преемственной (этот термин уже в 2006 г. введен в стратегию национальной безопасности США).

Вот как описывает преемственную войну геополитик и военный историк Л. Ивашов. Она ведется в три этапа. Первый состоит в смене недемократического (в данном случае имеется в виду американская модель демократии) режима под лозунгом «Права человека важнее прав народа». Второй этап называется строительством нации, то есть происходит переидентификация культурно-цивилизационной сущности народа: универсальные ценности важнее, чем традиционные. Фактически — это перезаселение (при сохранении прежних имен). Третий этап — восстановление страны, проходящее как ее реформатирование, которое позволит раз и навсегда закрепить за соответствующими финансовыми группами территорию и ресурсы. Если прежде целями военной операции были «почта, мосты, телефон, телеграф», то теперь главный объект — это властвующие элиты. Элита делает то, что никакая военная сила не сможет⁴.

Эта мысль перекликается с констатацией И. Валлерстайна системного кризиса мир-экономики и определением им глобализации как «периода перехода — не просто перехода нескольких отсталых стран, которым нужно догнать мировую глобализацию, а такого перехода, когда вся мировая капиталистическая система превращается в нечто иное (курсив мой. — Н. Б.)»⁵.

Что же получается? Отношения между странами приобрели условный характер, так как это отношения не между странами, а между их властными элитами, которые дифференцированы не по принципу принадлежности к собственным государствам, а по принципу игроков, имеющих партнеров (и соответственно конкурентов) на глобальном поле. Таким корпорациям, олицетворяющим симбиоз политической и бизнес-элиты, доступны любые способы решения своих проблем: и мирные соглашения — как открытые, так и тайные, и опора на вооруженную силу. В любом варианте интересы нации подчинены интересам ее элиты и ограничены доведенными до совершенства технологиями риторики и манипулирования.

Возникает множество вопросов. Все ли то интеллектуальное, символическое, идейное, нравственное

⁴ См.: Кудрявцев В. Интервью с Леонидом Ивашовым // The Prime Russian Magazine. 2013. № 2(17). С. 22–23.

⁵ Валлерстайн И. Глобализация или переходный период? // Экономические стратегии. 2000. № 2. С. 15.

богатство, которое накоплено в культурах за тысячелетия, брошено к ногам этих элит? Для них ли Карл Густав Юнг сформулировал понятие архетипического, чтобы использовать его для властвования над толпой? Открывал ли Эрнст Кассирер секреты «символической Вселенной», чтобы применять их для манипулирования сознанием? Описывал ли Йохан Хейзинга игровые основания культуры, чтобы вовлечь массу в политические игры по жестко заданным правилам? Расшифровывал ли Юрий Михайлович Лотман тайны языка искусства, чтобы проникать в глубины души? Необходимо ли все это для того, чтобы современные социальные и политтехнологии научились направлять когнитивную и эмоциональную энергию населения в нужное русло? Главное при этом — «отжать» от актуального социокультурного поля пронзительные, будящие мысль работы А. Швейцера, К. Ясперса, В. Франкла, чтобы они остались невостребованными на реальных и виртуальных книжных полках. «Отжать» информационным мусором, заполняющим пространство Интернета, вовлечь в контролируемые сверху социальные сети.

Аналоги, возникающие в сознании образованных людей, читавших великие антиутопии, становится опасно артикулировать. К тому же основная масса соотечественников, родившихся после смены социально-экономического строя, не читала Е. Замятина, Дж. Оруэлла и других, а если и читала, то в отсутствие критического мышления, старательно вытесняемого современной системой образования с его ЕГЭ и ФГОС. Технологии сильнее. Фрагментация мира идей, характерная для периода глобального постмодерна, постмодернистская децентрированность и бесструктурность интеллектуальной мысли привели к идеологической энтропии. Сформировалась ситуация *бифуркации тупиков*. Ее очевидными признаками выступают попытки власти внедрять в общество псевдо-, квазиидеологии типа православия, спорта, самоопределения наций. В этой же «корзине» — кризис современных демократических институтов, их неспособность обеспечить гражданам влияние на происходящие в обществе процессы, что приводит к скептическому отношению к ним населения. Сомнения в том, что демократия — самая эффективная модель организации современной жизни, подкрепляет и уверенный экономический рост Китая, обеспеченный иной, недемократической моделью развития.

Таким образом, мир оказался у «красной» черты, а человечество — в транзите к новому мировому порядку. Мир изменился, и масштабы этих перемен поражают воображение.

«Нечто иное» или культура стовора

Глобализация многомерна: это понимание сегодня вряд ли может быть оспорено¹. Более того, экономиче-

¹ Одна из наиболее продуктивных попыток именно такого, многомерного подхода к осмыслению глобализации была предпринята авторами фундаментального труда «Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития», изданной под эгидой Горбачев-Фонда (М.: Альпина Паблишер, 2003). В книге последовательно рассматриваются экономические, политические, экологические, социодемографические и социокультурные аспекты глобализации, вскрывается ее противоречивая сущность.

ский, политический и культурный ее аспекты проявляются на всех четырех уровнях современного мира: отдельные государства (национальные или другие), системы государств (государства-нации), человечество и индивиды. Антропологические и социологические исследования свидетельствуют о том, что глобализация имеет личностное, индивидуальное измерение, осуществляясь на межличностном уровне, на улицах и в супермаркетах, в кинотеатрах и музеях². Она повсеместна.

Подтверждением этого тезиса выступает, на наш взгляд, явление, названное дауншифтингом, что означает удаленную систему работы за границей. В отечественном пространстве Интернета среди стартаперов идет обсуждение вопроса о том, где нужно строить свою компанию: в Москве — городе с невероятной энергией и огромным количеством нужных связей, либо в каком-то курортном регионе — Таиланде, Бали, Черногории или даже на острове Самуи, работая в удаленном режиме. Обсуждаются минусы Москвы — дорого, мигранты, экология, перегретый рынок труда. И плюсы переезда в теплые края — климат, теплое море, стоимость жизни, изолированность и, как следствие, отсутствие отвлекающих факторов. Немалое число тех, кто уже имеет подобный опыт, охотно делятся им с другими: «Худшее, что может произойти с человеком, желающим переехать, — это вера в то, что это сложно». Есть целые компании, которые работают так уже несколько лет. Можно найти подробные, пошаговые инструкции адаптации к новым условиям. Основное ограничение для переезда — это род деятельности. В лучшей ситуации те, кто имеет профессии, связанные с рекламой и Интернетом.

Стоит ли говорить о том, что людям моего поколения, или даже следующего, подобная перспектива и в голову не приходила?

И все-таки, даже учитывая подобные явления, которые стали возможными лишь в связи с новыми технологиями, вошедшими в повседневную жизнь, зададимся вопросом: «Имеет ли смысл говорить о “глобальной культуре”»? И если да, то каковы ее признаки? На этот вопрос пока нет однозначного ответа. Впрочем, по понятным причинам происходящие в современном мире процессы слишком сложны и разнонаправленны. Ясно лишь то, что такая культура не будет «совокупностью» культур локальных, а приобретет качественно отличающиеся от современных образцов черты.

Разумеется, история знает примеры культур, интегрирующих разнообразные локальные этнические потоки в целостный образ нации (как это происходило в Великобритании, Италии, Франции, да и в странах других частей планеты, включая Россию). Наиболее ярким (и относительно недавним по меркам истории) примером выступают США, где единство американского народа формировалось в «плавленном тигле», достигнув, благодаря специальным приемам символизации, совершенства в целостности образа американской культуры. Следует заметить, правда, что такой образ существует в сознании наших современников скорее

² См.: Робертсон Р. «Возвращение» религии и конфликтная ситуация мироустройства // Век глобализации. 2010. № 1(5).

по инерции. По мнению Сэмюэля Хантингтона, технология «плавления» уже не работает. Ассимиляция этнических меньшинств вначале враждебное, но все же принявшее их общество перестала соответствовать духу времени. Национально главенствующей стала точка зрения отдельных этнических единиц. Политика мультикультурализма, начатая Клинтон в борьбе за голоса этнических групп, разрушала концепцию естественного «плавильного тигля». Главная в мире эмигрантская страна изменила позицию — перешла от практики ассимиляции в одну большую американскую нацию к торжеству «множественных» лояльностей. Диаспоры высказывают больше симпатии к покинутой, чем к приобретенной родине¹. Принято считать, что лишь в США мультикультурализм оправдал себя. Вместе с тем ясно, что и здесь называют проблемы.

Один из основоположников анализа глобалистики, профессор Эссекского университета Р. Робертсон понимает «глобальную культуру» как глобальный контекст осмысления происходящих в мире изменений². И хотя культурная гомогенизация и усиление доминанты одной социальной или региональной культуры над остальными становятся очевидными результатами глобализации, Р. Робертсон предлагает делать акцент на гетерогенной основе глобализации. Речь идет об идее глокализации, аккумулирующей и синтезирующей обе современные тенденции глобализации и локализации: локальный контекст трансформирует глобальные образцы, но и локальные ценности обретают новые смыслы под влиянием глобальных процессов. Так происходит инкорпорирование образцов, ценностей, норм, символов одной культурной системы в другую. С точки зрения культуролога, это, может быть, самый интересный и увлекательный предмет исследования — попытка найти истоки устоявшихся элементов культуры. Между тем известный глобалист З. Бауман критически отозвался о концепции глокализации, подчеркивая, что глокализация основана прежде всего на перераспределении привилегий и дискриминации, богатства и бедности, силы и бессилия, свободы и зависимости. «Локальность в глобализуемом мире — это знак социальной обездоленности и деградации. Неудобство “локализованного” существования усиливается тем, что в условиях, когда общественные пространства отодвинулись далеко за рамки “локальной” жизни, понятие “локальность” теряет свой смыслообразующий потенциал, все больше попадая в зависимость от направляющих и объясняющих действий, которые на локальном уровне не поддаются контролю, — вот вам и все коммунальные утешительные мечты интеллектуалов-глобалистов»³.

Не поддаются контролю на локальном уровне прежде всего действия финансовых рынков, и в сочетании со слабыми политическими режимами, возникшими в разных частях мира вследствие перекраивания карты планеты, это приводит к тоталитарному устрой-

ству уже не отдельных государств, но всего мира, при сохранении иллюзии индивидуальной свободы населяющих нашу планету людей. Такие иллюзии призваны поддержать сетевые технологии, вернее, не сами они, но те, кто виртуозно ими владеет: «Те, кому удастся обуздать глобальную информационную сеть и научиться управлять новыми формами коммуникаций, встанут у руля финансов и законодательства, унаследуют власть и образуют класс новой деловой элиты — нетократию (“власть сети”, “власть связей” — Н. Б.)»⁴. Даже если считать этот прогноз слишком парадоксальным, нельзя не отметить, что появившиеся позже, через несколько лет после выхода книги сайты Facebook, Одноклассники, ВКонтакте, Google.com, явившие собой новый этап и масштаб глобальной сети, лишь подтвердили достоверность предвидения.

Если принять за основу описанный тренд, то возникает вопрос о типе социокультурной солидарности. Вот как определяет динамику такой солидарности культуролог А. Я. Флиер. На первобытной стадии развития это были кровнородственная солидарность и идентичность: в аграрную эпоху, на ее раннем (рабовладельческом) этапе — этнокультурная/цивилизационная, а на позднем (феодалном) этапе — конфессиональная и сословная. Для индустриальной стадии развития более характерны национально-политическая и социально-классовая солидарность и идентичность. Вопрос о преобладающем типе солидарности и идентичности в постиндустриальную/информационную эпоху пока еще является дискуссионным⁵.

В свете вышеизложенного рискнем предположить, что основным принципом солидарности в постиндустриальном/информационном обществе будут солидарность и идентичность надгосударственного, наднационального уровня, а критерием, определяющим такую солидарность, выступит принадлежность (или, напротив, отсутствие доступа) к финансово-властным структурам, владеющим не только собственно капиталом, но и технологиями глобального управления. Именно это становится доминантой общественных изменений.

Если данный прогноз обретет статус реальности, то в фокусе «глобальной культуры» в качестве одной из самых серьезных проблем мы увидим выход в пространство социокультурной неустойчивости. Речь идет о невозможности для каждого слоя, группы, сообщества — по каким бы критериям они ни группировались — находить в спектре имеющихся в обществе идей те, которые обеспечивали бы чувство солидарности, позволяли бы определять свою идентичность. Абсолютная полиэтничность и поликонфессиональность крупных городов, хаотичность миграционных процессов усиливают процессы маргинализации населения, которое сталкивается с огромными трудностями адаптации к новым условиям. Это, в свою очередь, рано или поздно приводит к социальным взрывам.

¹ См.: Кузнецова Т. Ф., Уткин А. И. История американской культуры. М.: Человек, 2010. С. 376–378.

² Robertson R. Globalization: Social theory and global culture. L., 1992. P. 23.

³ Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: Весь Мир, 2004. С. 10–11.

⁴ Бард А., Зодерквист Я. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004. URL: <http://financepro.ru/2007/10/25/netokratija.-novaja-pravjashhaja-jelita.html>

⁵ Флиер А. Я. Культурология 20–11. Авторский сборник эссе и статей. М.: Согласие, 2011. С. 114.

Что может стать альтернативой подобному сценарию? Мы не раз задавались этим вопросом¹. Между тем новые примеры и новые проявления уже имевших место трендов дают более четкие контуры ответа. Если нас ждет наднациональная солидарность «всемирного казино», то ей в противовес следует искать и находить способы солидарности такого же — наднационального — уровня. Соответственно, качество идей, которые могли бы обрести такой конструктивный характер, должно отвечать требованию интегральности, позволяющей справиться с дефрагментированным, разнонаправленным, конфликтным мировым социумом за счет выхода в метапланетарное пространство, пространство ноосферы. Такие идеи должны работать в интересах целого.

В одной из ранних работ, написанной около 100 лет назад, П. Сорокин с пафосом восклицал: «Человечество — новая сила мира. Сила эта все более и более растет; она определяет область существования его самого и все шире и шире раздвигает эту область... Пройдя через ряд пыток, “шатаясь, падая под ношей крестных мук”, человечество шаг за шагом завоевывало возможность законодательства и строительства своей истории. Шаг за шагом оно стремилось реализовать

свои идеалы Правды, Истины и Красоты... Правда, кто сочтет, сколько страданий и усилий было потрачено на это! Кто сочтет все те пытки, которым подвергались бесчисленные строители этой Правды! Но... чем активнее будет каждая личность... тем быстрее мы будем приближаться к Правде, и тем чище и прекрасней будет Правда человеческая². Вряд ли эту оценку возможностей человечества великим социологом можно назвать лишь романтической иллюзией: он, безусловно, видел семена, которые могут дать — пусть и в отдаленном будущем — всходы.

Элементы нового способа мышления, его контаминации, пока не «собранные» в генерализующую практическую деятельность парадигму, тем не менее, уже продуцированы интеллектуальной элитой. Этого достаточно, чтобы, не дожидаясь превращения этих идей в «классическое» знание, посеять их в системе образования, которая по определению (если ее не раскачивать) способна удерживать баланс между традиционной и инновационной составляющей культуры, выступая ядром аккумуляции, порождения и трансляции ценностей от поколения к поколению. Но для этого оно должно отвечать идее и миссии культуры.

¹ См., например: *Багдасарьян Н. Г.* Глобальное пространство культуры: разрывы современности в тенденциях и парадоксах // *Культурологический журнал.* 2011. № 3(5).

² *Сорокин П. А.* Историческая необходимость. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. С. 521.